

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это предисловие могло бы называться «Эстетикой Беркли» — и не потому, что ее исповедовал этот ирландский метафизик, один из милейших людей, которых знало человечество, а потому, что здесь к словесности применяется тот же аргумент, что Беркли применял и к реальности. Вкус яблока, утверждает Беркли, содержится во взаимодействии плода с нёбом, а не в плоде как таковом; точно так же, на мой взгляд, поэзия состоит в общении стихотворения с читателем, а не в наборе символов, отпечатанных на страницах книги. Самое важное — это эстетический факт, thrill¹, физические изменения, которые вызывает чтение. Возможно, это не новая мысль, но в моем возрасте истина важнее любых новинок.

Литературное волшебство осуществляется за счет искусственных приемов; в конечном итоге читатель их узнаёт и начинает ими тяготиться — отсюда постоянная потребность в изменениях, которые могут восстановить прошлое или предвосхитить будущее.

В этом томе я собрал все свои поэтические тексты, за исключением некоторых упражнений, отсутствие которых никто не оплачет и не заметит и которые (как сказал арабист Эдвард Уильям Лейн о некоторых сказках «Тысячи и одной ночи») нельзя исправить, не исказив. Я сгладил некоторые шероховатости, избытки как испанского, так и креольского характера, но в целом я предпочел смириться с однообразными и монотонными Борхесами 1923, 1925, 1929, 1960, 1964, 1969, а равно 1976 и 1977 годов. В это собрание также входит краткое приложение, или музей апокрифической поэзии.

Как и всякий молодой поэт, я когда-то считал, что свободный стих проще традиционного; теперь же мне известно, что он намного труднее и требует глубокой убежденности, которую мож-

¹ Волнение, дрожь (англ.).

но отыскать на некоторых страницах Карла Сэндберга или его отца, Уолта Уитмена.

У книги стихов может быть три судьбы: ее предадут забвению; от нее не останется ни строчки, но она очертит общий контур автора; наконец, несколько стихотворений из книги могут перебраться в разные антологии.

Если бы моему сборнику выпал третий случай, то я бы хотел остаться в «Воображаемых стихах», в стихотворении «О дарах», в «Everness», «Големе» и «Пределах». Но всякая поэзия — загадка; и никто не знает наверняка, что ему уготовано написать. Печальная мифология нашего времени без конца твердит о подсознании или, что еще хуже, о бессознательном; греки призывали музу, иудеи — Святой Дух; в сущности, это одно и то же.

Х. Л. Б.

ЖАР БУЭНОС-АЙРЕСА
(1923)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не переписывал эту книгу. Я приглушил барочные чрезмерности, ограничил число шероховатостей, вымарал сентиментальности и неясные места, и в ходе этой работы, порой приятной, а порой тягостной, я почувствовал, что паренек, писавший это в 1923 году, по существу (что вообще значит «по существу»?) уже являлся тем сеньором, который теперь либо смиряется, либо исправляет. Мы — один человек; мы оба не верим в успех и поражение, в литературные школы и в их догмы; мы оба — поклонники Шопенгауэра, Стивенсона и Уитмена. Я вижу, что «Жар Буэнос-Айреса» уже предвосхищает все, что будет потом. За то, что открывал этот сборник, за то, что он каким-то образом обещал, его великодушно одобрили Энрике Диес-Канедо и Альфонсо Рейес.

В 1923 году юноши были робки, как и теперь, в 1969-м. Опасаясь внутренней пустоты, они так же пытались прикрыть ее невинным новомодным грохотом. Я, например, ставил перед собой сразу несколько задач: подражать некрасивостям Мигеля де Унамуно (они мне нравились), быть испанским писателем семнадцатого века, быть Маседонио Фернандесом, открыть метафоры, уже открытые Лугонесом, и воспеть Буэнос-Айрес низких домов и усадеб с решетками (такие были на западе и в районе Сур).

В те времена мне были любезны вечера, предместья и невзгоды; теперь мне любезны рассветы, центр и спокойствие.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 18 августа 1969 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Если страницы этой книги содержат какое-нибудь удачное стихотворение, я заранее прошу у читателя прощения за то, что нахально присвоил его себе. Наши ничтожности мало чем различаются: случайно и несущественно то обстоятельство, что ты — читатель этих упражнений, а я — их автор.

Х. Л. Б.

РЕКОЛЕТА

Убеждены: все — суета сует,
среди залежей благородного праха.
Но тянем свой век, понижаем до шепота голос
в толще плавных рядов пантеонов,
чьи мягкие тени и мрамор
даруют надежду или предвосхищают
достойную встречу со смертью.
Как восхитительны склепы!
Строгость латыни на плитах,
соединение мрамора и цветов,
своды прохладны, словно внутренний дворик,
давнее прошлое, навечно — вчера,
здесь остановилось, слилось в единую точку.
Обманчив покой единенья со смертью,
мы обманулись и жаждем конечного мига,
жаждем грез и покойного равнодушья.
В легкой дрожи страстей, чести и шпаги,
в спящем плюще —
повсюду теплится жизнь.
Пространство и время — ее порожденья,
магический инструмент бытия и души.
Искра души едва лишь погаснет,
вместе погаснут, исчезнут пространство и время.
Точно так же погасшим лучом
отменяется отблеск вечерний,
отображение и существованье зеркал.
Тихие тени деревьев,
ветерка дуновенья среди птиц и ветвей,
душа, растворившаяся в тысячах прочих,

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

дивное чудо, однажды ставшее жизнью,
необъяснимое чудо,
но это чудо, призрачное повторенье,
очернено горьким ужасом сегодняшних дней.
Вот о чем размышляю я в Реколете,
там, где хранятся мои пепел и траур.

ЮГ

Стоять в одном из твоих патио и видеть
древние звезды,
сидя на скамье
в тени, смотреть
на рассеянные огни,
которым так и не смог в своем неведении
ни имя дать, ни сложить из них созвездия,
чувствовать кружение воды
в колодце потайном,
аромат жимолости и жасмина,
молчание уснувшей птицы,
круглый свод, влажную прохладу, —
это и есть стихи.

НЕЗНАКОМАЯ УЛИЦА

Тень голубиная —
так вечера начало евреи называли,
когда шаги легки и сумрак не мешает
увидеть, как приходит ночь,
что музыкой, старинной и знакомой,
звучит и опускается на землю.
В час этот, когда свет
прозрачно тонок,
я вышел к улице, которую не знал.
Она открылась предо мной широко,
мягкий свет струился по кровлям и стенам,
такой же, как и тот, что в небе
отражался, в глубине.
Все в этой улице — дома, ограды
палисадников, звонки, что у дверей,
и, может быть, мечты той девочки с балкона, —
наполнило мне сердце
чистою слезой.
Казалось, этот вечер тихий
заполнил улицу нежнейшим серебром,
что зазвучало вдруг, как позабытый,
но всплывший в памяти хорал.
Потом подумалось,
что улица в тот вечер была как бы чужой
и что дома на ней — подсвечники,

ЖАР БУЭНОС-АЙРЕСА

где жизнь людская — как свеча,
которая горит и угасает,
и каждый шаг наш —
шаг на пути к Голгофе.

ПЛОЩАДЬ САН-МАРТИНА

Маседонио Фернандесу

Искал я вечер,
но напрасно спешил по улицам.
Уже в порталах притаилась немая тень.
И, отливая блеском матовым,
как омут, вечер застыл на площади,
спокойный, чистый,
благодатный. Как лампа, светлый.
Как лоб открытый, ясный.
Печальный, как человек, что в трауре стоит.
Волненья улеглись
под сенью всепрощающих деревьев:
акаций, хакаранд —
их очертаний силуэт
смягчил мне памятника жесткий профиль,
в густой листве их замерцал,
перемешался чудесный свет,
от неба — голубой, а от земли — червлёный.
Как хорошо: смотреть на вечер,
покойно сидя на скамье!
Внизу
вдыхает порт, о дальних плаваниях мечтая,
а площадь уравнила всё и вся
и приоткрылась вдруг, как смерть, как сон.

ТРУКО

Колода перекраивала жизнь.
Цветные талисманы из картона
стирали повседневную судьбу,
и новый улыбающийся мир
преображал похищенное время
в безвредные проделки
домашних мифов.
В границах столика
текла иная жизнь.
Лежала незнакомая страна
с горячкой ставок, риском понтировки,
всевластьем меченосного туза —
всесильного Хуана Мануэля
и кладезем надежд — семеркой черв.
Неспешный мате
умерял слова,
перипетии партий
повторялись —
и вот уж нынешние игроки
копируют забытые сраженья,
и воскрешаются за ходом ход
роды давным-давно истлевших предков,
все те же строки и все те же штуки
столице завещавших навсегда.

ДВОРИК

Ввечеру
гасит краски дворик утомленный.
Понапрасну полная луна
прежней страсти ждет от небосклона.
Дворик, каменное русло
синевы,
сбегающей по кровлям.
Вечность, безмятежна и светла,
на распутье звездном замерла.
Краткий праздник дружбы потаенной
с чашею, беседкой и колонной.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

*Полковнику Исидоро Суаресу,
моему прадеду*

Пронес отвагу через Кордильеры.
Не уступил ни кряжам, ни врагу.
Его рука не знала колебаний.
Вошел в Хунин с победой, закалив
испанской кровью пики перуанцев.
Подвел итог пережитому в прозе,
сухой, как боевой сигнал рожка.
Скончался в ссылке. От него осталось
немного: лишь слава и зола.

РОЗА

Худит Мачадо

Та роза,
которая вне тленья и стиха —
всего лишь аромат и тяжесть, роза
чернеющих садов, глухих ночей,
любого сада на любом закате,
та, воскресающая волшебством
алхимика из теплой горстки пепла,
та роза персов или Ариосто,
единая вовеки,
во веки роза роз,
тот юный платонический цветок —
слепая, алая и для стиха
недосягаемая роза.